

Сергей Юрьевич Волков

Дети пустоты

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937445

Сергей Волков. Дети пустоты: Астрель, АСТ; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-072412-3, 978-5-271-33515-0

Аннотация

Они не знают, кто сейчас президент России и кто такой Юрий Гагарин. Им не известны значения слов «гламур» и «феншуй». Мы видим их каждый день, но стараемся не замечать. Никто не знает, сколько их. СМИ говорят о полутора, двух, трех и даже четырех миллионах. Они – изгои, выродки, преступники, чужие... У них другая мораль. И они воют. Воют с теми, кто отказал им в праве быть. С нами.

«Дети пустоты» – новый остросюжетный роман популярного российского писателя Сергея Волкова, рассказывающий о полной драматизма попытке группы беспризорных детей найти свое место в жизни.

Содержание

Где-то в России	4
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Волков

Дети пустоты

Где-то в России

Грохочет всем своим железным нутром, ревет, рыдает электричка. Мотают головами в такт ее трясучей езды заспанные пассажиры. За мутными окнами проносятся унылые пригородные пейзажи – гаражи, трубы, заборы, а за ними в серой дымке – дома, дома, дома...

Тёха, Шуня, Губастый, Сапог – все спят, измотавшись за предыдущий день. С момента начала нашего отчаянного броска на восток, навстречу солнцу и новой жизни, прошли целые сутки, но мы не добрались даже до Казани, зато остались почти что без денег.

Я сижу, сунув руки в рукава куртки, – так теплее. Прокуренный, продышанный вагон несет нас по кочковатым рельсам. Сколько всего он видел, сколько событий произошло в нем, в его неуютной гулкой утробе! Вытертые сиденья, заплыванные тамбуры, расхлябанные двери, со стуком смыкающие металлические челюсти за спиной очередного пассажира, – если бы все они умели говорить, то поведали бы миру бесконечную, как жизнь, повесть о горе-злосчастье, о беде-радости...

Мне иногда кажется, что вся наша страна прошла через эту вот электричку, через ее знобкие вагоны. Люди ездили, ездят и будут ездить в ней на работу, в гости, на свидания, на дачи; для кого-то она – начало куда более длинного пути, первый шагочок, ведущий на вокзал, с которого купейный вагон комфортно умчит человека в дальние дали.

Странный кочевой покой электрички обманчив. В любой момент готов он взорваться яростной бабьей перебранкой, зазвенеть от несправедных и потому вдвойне обидных слов. А то еще хуже – ворвется в вагон угрюмая орда подогретых дешевым пивом или еще какой дурью парней, и примутся они выискивать среди испуганных пассажиров несчастного

замурзанного чучмека, а найдя, изувечат, забьют бедолагу, словно это он виноват в их беспросветной окраинной жизни...

Тадахают на стыках рельсов колеса. Торопится, спешит электричка. Заскорузлая краска на стенах вся в грязных натеках, на полу – затоптанные темные пятна. Что это – пролитый чьим-то ребятенком сок или вчера в глухом предночье разыгралась тут одна из бесчисленных трагедий, от которой сегодня только и осталось что безутешные родственники где-нибудь на станции «347-й километр» да это вот кровавое пятно под ногами?

Никто не ответит. Прикрыв глаза, трясутся молчаливые пассажиры, тянет из тамбура горьким дымом дешевого табака. Хрипит сетчатый динамик, объявляя станции. Во всю железнодорожную прыть летит вперед электричка. И мы летим вместе с ней...

Глава первая Куда ты уедешь?

В старину была такая песня – «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля». Я ее не слышал, а слова в газете прочитал. Наверное, тогда и правда в Москве красиво было. А теперь утром стены Кремля фиолетовые какие-то, потому что машин на набережной много и все газуют. Там часто пробки, но мы там не работаем – косари гоняют, говорят – нельзя.

Наше место – на Суцевке, у метро «Рижская». Вообще-то это район бригады Комка, но у него сейчас людей мало и он редко на Суцевку заглядывает. Если что, мы или смываемся, или башляем. Тёха злится, но платит – у Комка взросляки в бригаде, могут грохнуть.

Холодно. Ветер несет колючий снежок, морозит руки. Под ногами хрустит сахарная корочка льда, пухлое небо лежит на паутине проводов. Из зева метро несет гниловатым подземным теплом. Разноцветным ледоходом текут по улицам бесконечные потоки машин.

Мы идем на работу. Тёха впереди, рядом с ним семенит Хорек и достает нашего бригадира:

– Тёха, а ты трахался?

Тёха лениво поворачивает голову и отвечает Хорьку щелбан.

– Трахаются телки и голубцы. Понял?

– Ну... – часто кивает Хорек, потирая ушибленный лоб.

Щелбаны Тёха делает будь здоров. Ковши у него как у взрослого, мосластые и тяжелые.

Следом за ними цокает каблуками Шуня, а вокруг нее увиваются Сапог и Губастый. Там свой разговор.

– Девушку надо по походке выбирать, – просвещает пацанов Шуня. – Если телка идет как пишет – значит, трахается хорошо. А у парней у кого длинный нос – у того и член длинный. А у баб писька как губы. Если губы красивые – значит, и писька красивая.

– Дура, я же ее не целовать буду, – краснеет Губастый.

– Сам дурак. Красота спасет мир, хи-хи.

Эта Шуня прибилась к нам две недели назад. Говорит, что со спецприемника дернула. Еще говорит, что ей четырнадцать и что путанила на точке у хачиков. Врет, наверное, – она худая, как велосипед, мордочка узкая, рыжие волосы хвостиками. На таксу, в общем, похожа. Кому она такая нужна?

Сапог сразу к ней полез, в первый же день. А Шуня ему всю рожу исцарапала. Психанул он тогда, но Тёха беспределить не дал. «Не на зоне», – сказал. Сапог с тех пор на Шуню облизывается, зажимает ее при случае. Любовь у него типа.

– Э, звездоболы, заткнитесь там! – не оборачиваясь, бурчит Тёха. – Заманала ты, Шуня, со своим шалавным базаром. Дала бы пацанам – и всех делов.

– Не, я малолеткам не даю, – улыбается Шуня.

Сапог и Губастый ворчат что-то недовольными голосами.

Последними идем мы с Бройлером. Вернее, я иду, а Бройлер, конечно, едет. Люди от нас шарахаются, косари косятся, но не лезут – мы ж бомжи, бездомники, заразные и вообще уроды. С нами не связываются.

Бройлер – шизанутый. Всегда чего-нибудь говорит, рассказывает – в общем, пургу несет. Тёха его не любит, называет «жирняком» и «терпилой», но Бройлеру хорошо подают, особенно деловые бабы, которые ездят на дорогих тачках.

Руки Бройлеру отрезало поездом, давно еще, при Горбачеве. Он шел домой пьяный через железку, лег послушать, «как рельсы стучают», и уснул. Электричка прошла и обе руки по локоть оттяпала. А уже потом, когда его из квартиры выселяли, с лестницы столкнули, и он спиной ударился. С тех пор ноги у Бройлера не ходят. Мы возим его на инвалидке, коляске такой складной с ручками.

Бройлеру сорок с чем-то там лет. Говорит, что он философ. «Я созерцаю жизнь со дна колодца. Здесь солнца нет. А есть на свете солнце?» – это его любимая фраза. Еще он любит пожрать и выпить. Но много бухла мы ему не даем – потом не заткнешь, будет до утра гнать всякую лабуду.

Утром, когда мы собирались на работу, пришлось завернуть на мусорку у «буржуйского» дома – нужно было набрать пустых пластиковых бутылок под воду. Пока Тёха с Сапогом курили, а Шуня кормила голубей, мы с Губастым и Хорьком лазили по бакам. Хорек и нашел это.

Из-под кучи мусора торчал окровавленный пакет, а в пакете лежал весь какой-то багровый, сморщенный, скрюченный человечек. Маленькая ручка торчала в сторону, и пальцы на ней были сжаты в кулачок. Хорек закричал, и мы бросились к нему.

– Сука какая-то родила. И убила, тварь! – выдохнул Сапог. – Найти бы...

– Бедненький, – всхлипнула Шуня.

Бройлер весь скривился, хотел что-то сказать, но вместо этого сунул в рот свою культю и отвернулся.

– Пошли отсюда, – бросил Тёха. – У магазина телефон. В косарню позвоним.

И мы пошли. Сапог ругался вполголоса, Губастый бормотал что-то про плохую примету, Хорек испуганно поглядывал на нас и молчал. Я вез Бройлера, и его вязаная синяя шапочка качалась у меня перед глазами. Шуня продолжала тоненьким голосом причитать:

– Он же маленький такой... Он же и не знал ничего, не видел. Он же не жил совсем!

– Значит, повезло, – ответил ей Тёха...

Работать в пробке – это уметь надо. Таджики и прочие чурки вот не умеют, ходят от тачки к тачке, руки тянут, канючат. Бройлер говорит, что они «не учитывают психологию». А мы – мы учитываем. Мы знаем: к семейным и не суйся, к одиноким мужикам в иномарках подходи осторожно, а вот если в «БМВ-восьмерке» парочка – идти можно смело. Хозяин перед бабой своей выдрючиваться будет и отвалит по полной: сотку баксов можно взять и даже больше. Главное – заинтересовать и разжалобить. Бройлер это здорово умеет. Подвожу я его к «Майбаху», он культяпки свои поднимает и рычит в открытое окно:

– Когда Ницше объявил, что Бог умер, Сатана возрадовался. Покиньте воинство царя тьмы, помогите ближнему, пострадавшему за вас в горячих точках бытия, – и на Страшном суде вам зачтется.

Судя по тому, сколько после этой телеги обычно дают Бройлеру, Страшного суда люди боятся.

– И про Ницше они так или иначе слышали, – объясняет он, посмеиваясь. – Кто такой, конечно, не знают, но в гламурных журнальчиках культуртрегеры им мозги царапали этой фамилией.

Сегодня денек ожидается тот еще. Понедельник, небо в тучах, того гляди снег пойдет. Подходим к перекрестку. Пробка уже стоит. Невыспавшийся народ в тачилах зеваёт и слушает «Радио Шансон» или «Эхо Москвы».

– Шуня – по левому ряду, Сапог – в хвост, Хорек и Губастый – к светофору, – командует Тёха. – Пятёра, вези Бройлера по разделительной.

Он никогда не улыбается, не шутит. Тёха хочет уехать в Германию. Там, говорит он, все по закону. Там порядок. И это, говорит он, правильно.

Мы все хотим куда-нибудь уехать. Даже Бройлер утверждает, что здесь жить нельзя. Еще он уверен, что мы живем в аду. Но Бройлер – ненормальный. Нет никакого ада. Потому что в аду, нам в детдоме поп рассказывал, тепло и порядок, все черти подчиняются Сатане и каждый грешник получает по заслугам. А у нас разве так? У нас чем больше ты грешник, тем ты лучше живешь. Мы так думаем. Поэтому и хотим уехать туда, где все не так. Но для этого нужны деньги. И мы их зарабатываем.

Я везу Бройлера между рядами машин. Фары, стекла, дверцы, зеркала. Нужно быть осторожным, не дай боже заденешь, чиркнешь кого. За это отмудохать могут здорово. Неделью назад на Профсоюзке пацана из магомедовской бригады вот так убили – вылез мужик из «Лексуса» и врезал по спине монтировкой. Ребро в печень вогнал. Когда «скорая» приехала, пацан уже умер.

Бройлер вертит головой, выбирая, к кому подвалить. Из салонов до нас доносятся обрывки разговоров:

- Он мне звонит и сразу матом...
- Пеналя забить не может, козел...
- В этой стране порядка никогда не будет...
- Где-где – в пробке. Где-где – в Караганде!
- Клапана стучат, с-сука...
- Там вытчка вот такая вот и кармашки...

Посреди пробки стоит здоровенный пожарный «КамАЗ». Чего его сюда занесло? Пожарки, если торопятся, вообще по газонам и тротуарам едут. Этот тоже мигалками крутит, но не дергается, стоит – со всех сторон подперли.

Начинаем работать. Бройлер показывает мне, чтобы я остановился, и начинает прогонять свою телегу про Ницше водителю зеленого «Ровера». Тот лениво слушает, улыбается,

кидает в умашенную на коленях Бройлера коробку пятидесятирублевую бумажку. Как говорится, с почином!

Откуда-то выскакивает Шуня – лицо белое, губа закушена.

– Че такое? – спрашиваю.

– Там черные, говорят: «Дэвочка, поехали с нами, айфон купим», – дрожащим голосом отвечает она. – Я боюсь...

– С нами ходи пока, – я киваю на Бройлера, что-то оживленно говорящего немолодой дамочке в «японке».

– Ладно, – улыбается Шуня.

Я тоже улыбаюсь. Нет, ну какая из нее путана, если она мужиков боится! Врушка рыжая...

Мы все дальше и дальше заползаем в пробку, постепенно приближаясь к «КамАЗу», окутанному облаком сизого выхлопа. Когда до него остается метра два, водила неожиданно врубает сирену. Шуня вздрагивает и жмется ко мне. Бройлер орет, пытаюсь перекрычать вой сирены:

– Поехали, где потише!

Ага, куда тут поедешь – машины стоят плотно, без движения. Я пропихиваю коляску между высоким бортом «КамАЗа» и блестящей боочиной фольксвагеновского микроавтобуса. Из выхлопной трубы пожарки по ногам бьет горячим. Шуня взвизгивает.

– Привыкай, – шепчу я себе под нос.

Хочется пить, да и перекурить бы не мешало – час уже работаем.

«КамАЗ», взревев двигателем, подается вперед. Я толкаю Бройлера в образовавшийся за его высокой квадратной кормой просвет, собираясь вывернуть в соседний ряд – может, там посвободнее. Вокруг начинают сигналить, пробка уже всех достала. «КамАЗ» пытается вырулить на встречу проталкивается, ворочается, огромный и неуклюжий.

Бройлер поворачивает ко мне толстое небритое лицо:

– Интереснейший случай – стая мосек заблокировала слона. Что остается слоненку? Топтать, давить, плющить обнаглевших шавок...

Договорить он не успевает – водитель «КамАЗа» резко сдает назад и впечатывает коляску Бройлера в борт «Фольксвагена». Я отскакиваю и с удивлением обнаруживаю, что у меня в руке остался резиновый набалдашник от левой ручки инвалидки. Отчаянно визжит Шуня. Газует «КамАЗ». В узкой щели между машинами я вижу лысый затылок Бройлера и над ним – дергающуюся розовую культю.

Прибегает Тёха, подходят Сапог, Губастый и Хорек. «КамАЗ» наконец отъезжает и глушит мотор. Водила из микроавтобуса звонит кому-то по сотовому.

У меня в голове все кругом идет и руки немеют. Как будто нет их совсем. Так всегда бывает, когда я покойников вижу.

Бройлер лежит на асфальте, зажатый сплюсненной коляской. Он уже не дышит. Рядом на корточках сидит Шуня и плачет, закрывая лицо руками.

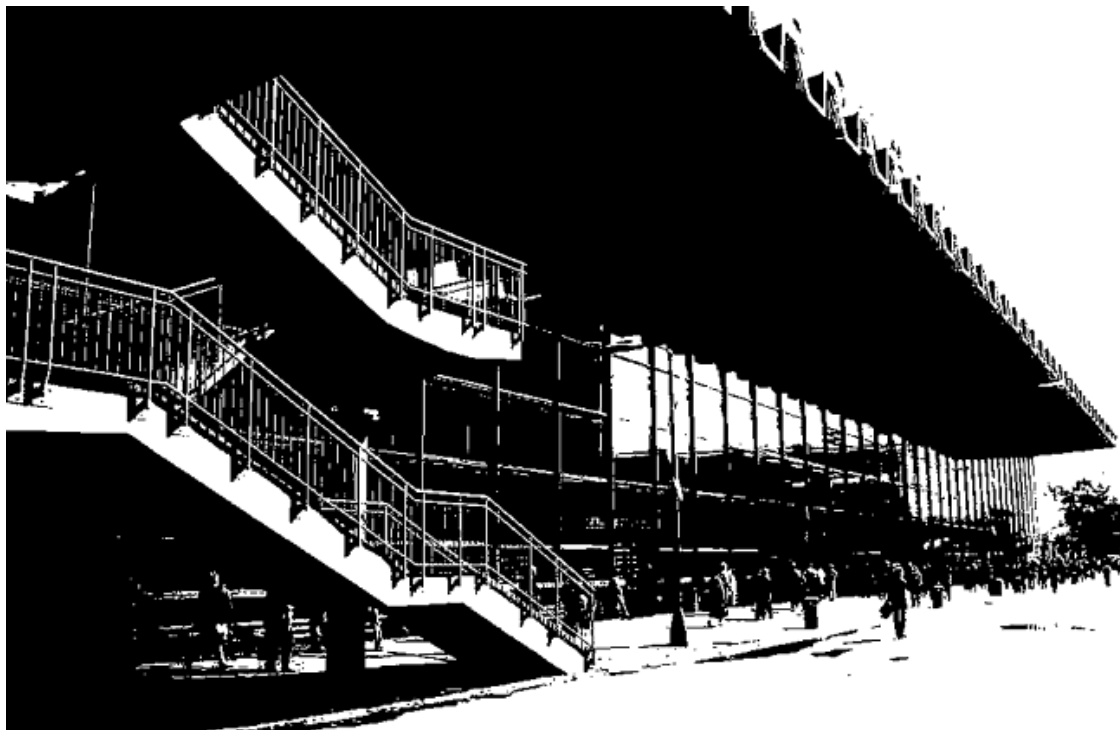
– Вставай, – говорит ей Тёха.

Он прав. Скоро здесь будут косари, а значит, нам надо уходить. Тёха называет косарями ментов, потому что они косят капусту.

– Я уеду! – тонко кричит Шуня, размазывая слезы по лицу. – Я уеду отсюда! Я не хочу здесь жить! Я не хочу...

– Куда? – тихо спрашивает Тёха. – Куда ты уедешь? Из пробки нельзя уехать...

Глава вторая Ой, Сашенька!.

Наша берлога – в подвале старого дома рядом с Курком, Курским вокзалом. Дверь в подвал завешена железной накладкой, в петле пробоя – здоровенный ржавый замок. Но если покрутить гайку, накладку можно снять, и дверь открывается. Это наш секрет, тайна.

Мы собираемся за столом, сделанным из листа толстой фанеры. Сидим, молчим и смотрим в угол, туда, где обычно стояла каталка Бройлера. Сейчас там пусто. На полке лежит несколько книжек и стоит кружка. Большая пивная кружка, из которой Бройлер любил пить чай. В кружке осталось немного чая. Бройлер любил заваривать крепкий чай, сыпал в него много сахара, а потом пил холодный.

«Где умирает надежда, там возникает пустота»¹, – часто повторял Бройлер.

Теперь пустота возникла там, где был он...

Губастый ерзает, старый диван скрипит и стонет под ним. Когда мы возвращались в берлогу, Тёха отправил Губастого к магазину – пошарить возле мусорки «на предмет пожрать». Губастый ничего не принес, но по дороге нарыл у остановки баллон «Очаковского». В баллоне оставалось с литр пива, и он тайком всосал все в однёху Тёха учуял пивной выхлоп и дал Губастому по шее. Теперь ему нужно в туалет, но Губастый – придурок, и он стесняется нарушить наше молчание.

– Не егози, – Тёха сурово смотрит на Губастого, потом обводит взглядом всех нас. – Че расселись? Жрать че будем?

Самый простой способ добыть еду – купить ее. Но для этого нужны деньги, а мы сегодня совсем пустые. Деньги можно заработать, можно украсть, можно «намолить» у ларьков на вокзальной площади. «Молишь» долго, да и дают мало. Заработать в пробке нам сегодня не удалось. Остается одно – скачок.

¹ Фраза приписывается Леонардо да Винчи. (Прим. авт.)

- Хорек – на хозяйстве, остальные – вперед, – командует Тёха.
- И она? – кивает на Шуню Сапог.
- Все, – из темноты бурчит Тёха.

Он уже на лестнице. Губастый бежит за ним, высоко вскидывая худые ноги. Нас ждет вокзал – охранники, продавцы, пассажиры. И их барахло, затаренное по сумкам и чемоданам...

Выходим в переулок. Губастый отбегает на детскую площадку, отливает под грибком. На него орут какие-то тетки, но ему пох. В Губастом еще бродит пиво, и догнав нас, он начинает нести всякую муть про Бройлера – дескать, он был настоящий мудрец, ученый, изучавший жизнь и специально опустившийся на самое ее дно, как врачи в прошлом изучали оспу, прививая ее себе.

– Думаете, он профессором не мог бы быть? – бубнит Губастый. – Да на раз! Но профессора в университетах там всяких и академиях только чужие мысли лопатят. А Бройлер... Константин Иванович, он как Диоген, как Аполлоний Тианский, как Лука у Горького. Он был настоящий философ.

– Заткнись ты! – рычит Сапог.

Он видит, что Тёхе не нравится треп Губастого.

Губастый у нас самый умный. Теперь, когда не стало Бройлера, понятное дело. Он все время читает. Все подряд – книги, газеты, рекламу, даже бабские журналы, у которых скользкая бумага.

Мы познакомились с ним в детдоме. Его привезли вшивого, доходного – кожа да кости. Сам Губастый рассказывал, что жил с бабкой, а родители его были дипломатами и работали за границей. Работали-работали, а потом взяли и умерли. Или террористы их убили, не помню уже.

Бабка Губастого жила в Ебурге, в большой квартире, где было много книг. Как я понял, внука своего она любила и баловала, но однажды загремела в больницу и больше уже не вернулась. Губастый тогда учился в третьем классе. Он сидел дома и ждал бабушку. День сидел, два, неделю, месяц. Никому не открывал дверь, читал книжки, смотрел телевизор, ел варенье. Когда кончились все продукты, включая подсолнечное масло, Губастый позвонил в милицию по ноль два, чтобы узнать, где его бабка. Приехали менты, опечатали квартиру, а его увезли в детский дом.

Детский дом – это моя малая родина. Хотя какая там родина... Скорее как в анекдоте про двух червяков. Молодой спрашивает: «Папа, почему мир такой большой и прекрасный, а мы живем в вонючей навозной куче?» А старый ему отвечает: «Есть такое слово – родина, сынок».

Губастый появился у нас, когда меня и других пацанов моего возраста старшаки перевели из щеглов в гарсоны. Гарсонами у нас называли тех, кто гоняет щеглов и старшкам прислуживает. Переводят в гарсоны так: раскладывают на койке и бьют по спине цепочкой от питьевого бачка, чтобы дорожки красные на коже оставались.

Гарсоном быть лучше, чем щеглом. Щегла все гоняют – и воспиталы, и гарсоны, и старшаки. Но и у гарсона житуха не сахар. Не принес старшаку курева или денег, не сумел заставить щеглов быстро убираться в спальнях – огребешь и попадешь на припашку. Такой порядок.

Наш детдомовский завхоз дядя Сеня однажды сказал, что у нас дедовщина хуже, чем в армейке. Что почти как на зоне, на малолетке. Дядя Сеня знает, у него все руки синие от наколок. И в армии он служил, в железнодорожных войсках, БАМ строил. Как напьется, так

и давай про этот БАМ рассказывать – как там водители замерзали в кабинах зимой и как в кочегарке узбеки своего земляка лопатами на части разрубили и в топке сожгли.

В общем, мы-то ко всему этому привычные, а Губастый словно в зоопарк попал. Поначалу он дергался, даже драться пытался со старшаками. Это смешно было. Потом плакать начал. Просто так. Утром встает – и плачет. На зарядке плачет. За завтраком. Врачиха сказала – это нервное, пройдет. И таблетки ему прописала, валерьянку. Мы ими завхозного кота накормили. Снова было смешно.

Кликуха, или, как говорит Тёха, погоняло, у Губастого – в самый цвет. Сам он худой, дохлый, шея тонкая, а лицо как картошка – круглое, лоб выпирает, глазки маленькие, вместо носа две сопелки. И здоровенные губени, как будто сарделины сложили да и прилепили вместо рта.

Мы с ним никогда не дружили особо. Пацаны в детдоме Губастого, понятное дело, считали за дурака, ну и я тоже. А когда началась вся эта дрянь с новым воспитателем, который массаж заставлял себе делать: «Ой, спина у меня болит. Вот ты, мальчик, у тебя руки красивые, сильные, помни мне поясницу. Хочешь торт “Сказку”? У меня два куса от дня рождения осталось, пойдем в методическую...», я понял – надо рвать когти. К старшакам за помощью не полезешь – они с этим воспитателем бухают вместе. И тогда я намылился ночью слинять. Собрал шмотки, фигню всякую – ручки, тетрадки, носки, – чтобы продать, – и ночью полез через форточку на втором этаже.

Вылез на подоконник, прополз по нему до козырька над дверью, вдруг слышу: «Помогите! Помогите!» Смотрю, а это Губастый. Он полез следом за мной и повис на форточке – ноги и задница на улице, а голова и руки внутри.

Наверное, надо было его обратно затолкать, но я видел – урод-воспитал и Губастого звал массаж делать. В общем, дернули мы оба-два. Всю ночь шли – темно, лес шумит.

Городок, где детдом наш был, Арамилль назывался. От Ебурга далеко, километров двадцать или даже больше. Автобусы ночью не ходят, а утра ждать нельзя. Утром сразу станет понятно, что мы свалили. В городе нас найдут в момент, там всякий подскажет. Не любили детдомовских в городе. Да и за что нас было любить?

В общем, всю ночь шли и утром добрались до Ебурга. На толчке задвинули все барахло мое, пожрали в кафе на вокзале, купили два билета на электричку до Ревды, оттуда до Красноуфимска доехали. К ночи уже в Чернушке были. Билеты мы покупали, чтобы к нам контролеры не прикапывались. Нам нужно было уехать быстро и далеко. В Москву. Потому что в Москве, как говорил завхоз дядя Сеня, «можно жить»...

Скачок – это не хала-бала. За скачок, если косари загребут, можно так огрести, что мало не покажется. И поехать с отбитыми почками в специнтернат. А там – Тёха рассказывал – порядки как на зоне. И чтобы не влететь, мы все делаем аккуратно. Мы – профессионалы. Так про нас говорит Менеджер, который рулит в скупке. Вообще-то он не то Арам, не то Абрам, но народ, который на Курке толчется, называет его Менеджером и несет ему мобилы, шмотье, драгоценности всякие – цепочки там, колечки, бусы. Менеджер платит, немного, но всегда.

На вокзале шумно. Люди топчутся у касс, в зале ожидания пассажиры с вещами сидят, дети бегают. Но нас туда не пускают, там только по билету. А жаль – у тех, кто на дальняк едет, бутор богатый.

Поэтому наша клиентура – это те, кто ездит в пригородных электричках. Тут и бухарика можно зацепить, и у бабки какой-нибудь баул стырить. Надо только быстро и осторожно.

Мы рассыпаемся в толпе, вертим головами. Вокруг все заняты своими делами, никому до нас дела нет. Девки воняют духами, мужики – перегаром. Из буфета пахнет слойками и кофе. Гам, крики, шарканье ног. Не зря говорят – «базар-вокзал».

Через час собираемся под часами на выходе, где платформы и поезда стоят.

– Голяк, – говорит Сапог. – Надо вечера ждать.

– Сегодня вторник. Может, и вечером ничего не будет, – отвечаю я. – А до пятницы еще столько времени.

Пятница – наш день. В пятницу после работы народ валом валит в забегаловки, пельменные всякие и закусочные – праздновать окончание трудовой недели. Некоторые так напразднуются, что на ногах не стоят. Их, конечно, косари пасут, это ж ментовский хлеб – бухариков потрошить. Но и мы свой кусок рвем, жить-то надо.

– Пошли в метро, – Тёха шурит глаза.

Метро – последняя надежда. Если и там пусто, останется только «молиться» в переходе или у ларьков на площади: «Дяденька, дайте рубль. На кока-колу не хватает».

«Курская» – станция большая, хитрая. Тут и радиальная, и кольцевая, и еще прилепилась сбоку «Чкаловская», где внизу всегда холодно, и зимой, и летом. Перроны соединены переходами, есть всякие закоулки и тупички. Косари, конечно, бдят, но везде постов не наставишь. В часы пик здесь столько народу, что иногда страшно становится – не задавили бы кого.

Сейчас середина дня. Мы окучиваем станции. Людей не особенно много, и похоже, что сегодня мы ляжем спать голодными.

И вот когда Губастый уже начинает неумело ругаться, что, мол, суки вокруг одни и твари, с «Чкаловской» прибегает на звонких каблучках Шуня.

– Там мужик сидит. Пьяный. С сумкой.

– Быстро! – произносит свое любимое словечко Тёха, и мы мчимся по эскалатору, прыгая через ступеньки.

Дальше уже дело техники. Расклад обычный – Губастый внизу, у лестницы, Сапог в середине зала, на передаче, Тёха основной, а я его прикрываю. Сапог сильнее, но наш бригадир всегда берет на прикрытие меня – бегая я быстрее всех.

Правда, в этот раз Тёха велит мне взять с собой Шуню. Понятно – мы будем не просто прикрывать, а еще и отвлекать внимание. Так надежнее.

Шуня уже совсем отошла после утренней истерики. Она, взяв меня под ручку, пританцовывает рядом, весело несет какую-то девчачью пургу, размахивает свободной рукой и заливиисто хохочет.

Тёха выдвигается вперед, обходя стоящих на платформе пассажиров. Походка его меняется, становится легкой и независимой. Он сейчас не похож на грозного бригадира – так, обычный московский парнишка, ждал-ждал поезда да и пошел к часам в конце зала время узнать. А чтобы все выглядело натурально, Тёха на ходу пальцами оттягивает уголки глаз, как это обычно делают близорукие люди.

Мужик сидит на крайней скамейке, возле железной бочки с дверцей, в которую, как говорят, в случае чего нужно прятать обнаруженное взрывное устройство. Голова его безвольно свесилась набок, набрякшие веки прикрыты, из приоткрытого рта тянется блестящая нитка слюны. Я сразу просекаю – прикинут мужик богато. Ботинки длинноносые блестят, брючки отутюжены, куртка кожаная цивильная, не черкизоновский ширпотреб. И сумарь. Хороший сумарь, пухлый. Темно-зеленый, на бочине написано «Найк». Много чего полезного – и ценного! – можно сложить в такой баульчик...

Наше счастье, что косари еще не засекали этот лакомый кусок. Счастье-то счастье, но долгим оно не бывает, надо торопиться.

Тёха, не поворачивая головы, проходит мимо мужика, останавливается у часов. Светящиеся цифры в окошках отсчитывают секунды до прибытия поезда: два – ноль один, два – ноль два, два – ноль три...

Народу вокруг немного, и все заняты своим делом – две тетki лалакают о своих бабских делах, парень в вельветовых штанах треплется по мобиле, симпатичная телка читает книжку в пестрой обложке. Народу немного – но он есть! И брать сумарь сейчас нельзя. Нужно дождаться толкучки, суеты, кипеша. Словом, поезда.

Два – четырнадцать, два – пятнадцать, два – шестнадцать – бегут зеленые цифры. У меня холодеет в животе. Я вдруг понимаю, что Шуня уже давно молчит и испуганно прижимается ко мне.

Динь-динь-дон! – звенит над станцией сигнал прибытия. В черном зеве тоннеля зажигаются желтые точки и черточки, слышится глухой рокот. Тёха сует руки в карманы, опускает голову. Тугой ком теплого воздуха из тоннеля толкает нас, а следом уже летит, грохочет, скрежещет поезд. Все, началось...

С шипением разъезжаются двери, и толпа вываливается из душных вагонов на платформу. Я вижу, как Тёха делает шаг, другой, вынимает правую руку, готовясь подхватить сумку. И тут толпа выталкивает прямо на нас двух метрошных косарей – один с дубинкой, второй с плоской желто-черной коробкой металлодетектора на поясе.

Ловлю Тёхин взгляд – в нем злость и отчаяние. Он стоит в полуметре от мужика, но сделать ничего не может. Косари видят его и, самое главное, видят мужика. Они обрывают разговор, приосаниваются – почуяли, гады, добычу.

– Ой, Сашенька!.. – неожиданно вскрикивает Шуня, едва не переходя на визг.

Я дергаюсь, а она повисает на мне и вдруг начинает остервенело целовать меня теплыми мягкими губами – в губы, в шею, в щеки... Стою, как дурак, пытаюсь оттолкнуть ее, оторвать от себя. Косари оглядываются, смотрят на нас с интересом.

– Молодежь совсем с ума сошла! – ворчит какая-то бабка, проходя мимо. – Им еще сиську мамкину сосать надо, а они уже целуются взасос, да при всех!

Продолжая бормотать что-то себе под нос, бабка удаляется. Я больше не отталкиваю Шуню, я через ее плечо смотрю вслед бабке. Рядом с ней все той же беспечной походочкой идет Тёха.

И на плече его висит темно-зеленая сумка с надписью «Найк»...

За моей спиной косари кантуют пьяного. Он мычит и пытается драться. Шуня тихонько хихикает. Ее поцелуи горят у меня на лице. Я чувствую себя полным лохом. Все сделано без меня. Вот сейчас Тёха уже передал сумку Сапогу, и тот ринулся к Губастому, который поднимет нашу добычу наверх. Все сработало как надо. Один я оказался тормозом, не сообщившим в самый важный момент, что косарей надо отвлечь.

Нет, никогда я, наверное, не привыкну к этой московской теме – все надо делать быстро, жестко и желательно весело. Бройлер называл это «импровизационным стилем жизни». Я так никогда не умел и до сих пор не научился.

Глава третья Пацаны, не надо...

Помню, вожделенная Москва встретила нас с Губастым ошеломляющим шумом. Зачуханные, вонючие, мы вывалились из рязанской электрички на перрон Казанского вокзала, бестолково озираясь.

Оставшихся денег хватило на бутылку газировки и две сосиски в тесте, называемые в столице почему-то «хот-догами». Усевшись на каменный парапет у входа в подземный переход, мы жрали эти «хот-доги», запивали их колючей шипучкой, и тут к нам подошли два мента.

– Ну-ка, пошли отсюда, – лениво сказал один из них, маленький и усатый.

– Еще раз увидим – заберем, – добавил второй, повыше, с бородавкой на щеке.

И мы пошли. Шли долго, почти весь день. Широкие улицы, сплошной поток машин, высокие дома, яркие щиты с рекламой – и люди, люди, люди...

Губастый пытался поначалу объяснить мне, что тут и как, но вскоре его книжно-газетных знаний оказалось недостаточно, и он подавленно замолчал.

Когда стало темнеть, мы решили найти какой-нибудь подвал на окраине города, чтобы переночевать. Про московские окраины Губастый знал только, что там стоят какие-то «спальные районы». Вот эти самые районы мы и искали.

На улицах зажглись фонари. Ноги у нас гудели и буквально отваливались. Поэтому, когда поблизости обнаружилась остановка, а возле нее автобус, старый, оранжевый, такие и у нас в Арамиле ходили, мы не раздумывая шмыгнули внутрь, поднырнули под турникет и затаились на задней площадке.

Автобус ехал час, а то и больше. Билеты с нас никто не спрашивал, да и вообще никому не было до нас дела.

– Тут, наверное, все сами по себе живут, – предположил Губастый.

Я с ним согласился.

Выбравшись из автобуса на темной окраине, мы огляделись. Справа – бетонный забор, слева – деревья, за ними – многоэтажки, приветливо и уютно светящиеся множеством огней. Особо выбирать было не из чего, и мы пошли на эти огни через те самые деревья, через кусты и гаражи. Там, у гаражей, и наварались.

Дорогу нам заступило человек десять пацанов, в основном наша с Губастым ровня, но двое-трое были явно постарше. Мы слишком поздно заметили их, а когда заметили, оказалось, что дела плохи – москвичи обступили нас со всех сторон.

– Откуда? – ехидно поинтересовался мордастый парнишка в короткой куртке и ярком красно-белом шарфике на шее. Мне этот девчачий шарфик показался смешным – у нас такой ни один пацан ни за что бы не надел, и я ответил смело и с улыбкой:

– Мы-то? С Урала, а че?

Вокруг заржали. Они смеялись натужно, гыгыкая, словно хотели показать, что я сморозил несусветную глупость. Губастый стоял рядом со мной и шумно сопел. Ему было страшно. Постепенно, сквозь отупляющую усталость, до меня тоже дошло – а ведь будут бить. Уж слишком громко хохочут.

– За кого болеете, уралмоты? – снова спросил мордастый.

Я пожал плечами – ни за кого, мол.

Тогда он начал объяснять, что мы – чмошники и чушки, что мы зря приехали в «их Москву», которая не помойка для таких уродов. Мы молчали – а что тут скажешь? Я вначале потихоньку оглядывался, думал – получится сорваться, а потом, когда они обступили нас, только следил за руками, чтобы не пропустить первый удар.

Его пропустил не я – Губастый. Один из москвичей неожиданно врезал ему ногой в живот. Я дернулся в сторону, тут и на меня навалились со всех сторон. Били они умело, больно и сильно.

Когда тебя бьют шоблой, главное – чтобы ничего не отбили в животе. Поэтому нужно стараться закрывать его прижатыми локтями. Морду по возможности тоже подставлять не стоит, а поскольку руки заняты, надо согнуться и прижать подбородок к груди. И не падать. Как можно дольше не падать. Упадешь – все, будут пинать и топтать. И если не надоест, забьют до смерти.

Губастый упал сразу. Его месили четверо. С уханьем, с матерками, с радостными вскриками. Я, зажимаясь, мотался между деревьями и пытался прятаться за шершавыми стволами. Удары сыпались на меня со всех сторон. Во рту стоял противный привкус крови. Голова казалась гулкой и пустой, как кастрюля, а отбитых рук я просто уже не чувствовал.

– Вали его! – заорал кто-то.

Наверное, я разозлил их тем, что слишком долго сопротивлялся. Сразу несколько человек вцепились в меня, куртка затрещала, и тут страшной силы удар швырнул мое и без того битое-перебитое тело на землю.

«Хана, – подумал я тогда. – Сейчас убьют...»

И вдруг все разом замолчали. Меня не трогали. На всякий случай я подтянул колени к животу и замер. Вокруг слышалось только тяжелое дыхание запыхавшихся москвичей и хруст примороженной травы у них под ногами. А потом до меня долетел негромкий голос, уверенно и веско выговаривающий:

– Че, отморозки, рамсы попутали? Кто тут самый борзый? Ты? Сю-да-а иди-и!

И тут же – смачный шлепок, какой бывает, если ударить человека открытой ладонью по лицу.

– Че, сука, борзый, да? – И снова удар, и еще.

Я повернул и чуть приподнял голову. В стороне топтались наши обидчики. У дерева шагах в пяти от меня скулил и дергал ногами Губастый, а прямо за ним какой-то парнишка

в коричневой крутке-пилоте, придерживая одной рукой того самого москвича в шарфике, методично втискивал ему в торец, приговаривая:

– Борзый, сука? Борзый?

– А-а-а! – закричал пацан, пытаясь закрыться от ударов. – Гаси его! А-а-а!

Остальные дернулись было на помощь своему главарю, но обладатель пилота легко отшвырнул избитого и буром попер на всю кодлу выкрикивая страшные слова:

– Смелые? Кто смелый? Ты?! Сю-да-а иди-и! Печень вырву!

Москвичи такого напора не выдержали – сиганули кто куда, и спустя несколько секунд на задах гаражей нас осталось трое.

– Э, пацан! – Наш спаситель подошел к Губастому, ткнул его ногой. – Живой? Встать можешь?

Пока Губастый со стоном и плачем поднимался, размазывая по лицу кровавые сопли, я ощупывал себя. В детдоме мне не раз и не два доводилось получать крепких кренделей, но так сильно и остервенело меня, пожалуй, били впервые.

– Ноги-руки целы? – Парень в пилоте повернулся ко мне. – Идти можешь? Тогда валим отсюда. Быстро!

И мы свалили. Свалили настолько быстро, насколько могли. Долго шли по какой-то мокрой и темной лесопосадке, пока не пришли к заброшенной кирпичной хибаре без окон. Разведя костер и скинув пилот на колченогий табурет, парень прищуренными от дыма глазами внимательно оглядел нас, закурил, катнул грязный баллон с водой.

– Умойтесь. Меня Тёха зовут.

– А почему «Тёха»? – спросил я, чтобы что-то спросить.

– Фамилия – Тетёхин, – ответил он.

Я в другое время улыбнулся бы, наверно, смешная фамилия, но сейчас было как-то не до смеха.

– Откуда вы? – спросил Тёха.

Памятуя, какую реакцию вызвал мой ответ в прошлый раз, я прошамкал разбитыми губами:

– Сегодня только приехали.

– Не тупи, – раздраженно сказал наш новый знакомец. – Я спросил – откуда?

Губастый, испуганно поглядывая на меня, ответил.

– Че тут делаете? – продолжил допрос Тёха.

– Мы с детдома сбежали, – мне почему-то не хотелось рассказывать про то, что в Москве «можно жить».

– Ты че, сука, травишь? – рявкнул Тёха, резко поворачиваясь ко мне. – Сказал – не тупи!

И тут Губастый, которого, видимо, все последние события вконец измотали, заревел навзрыд. Он сидел на синем пластмассовом ящике из-под бутылок, держась окровавленными руками за грязную голову, и плакал, как маленький ребенок, – задыхаясь, захлебываясь слезами...

Тёха подошел к нему, замер в раздумьях, а потом произнес неожиданно осипшим голосом:

– Ну все, все! Никто вас больше не обидит. Со мной будете. Все, я сказа-ал!

Нам везет. В сумке прикинутого мужика оказывается масса всякого ценного барахла – ноутбук, мобила без симки, спортивный костюм, свитер, папка с документами, несколько ярких тоненьких книжек, жареная курица, помидоры, колбаса и хлеб в пакете, игра «Тет-

рис», бутылка коньяка «Черный аист», два полотенца и дорожная мелочь – зубная щетка, бритва, шампунь, гондоны, чай в пакетиках, сахар и плеер с наушниками.

Мы вываливаем все это добро на стол и, прежде чем нести Менеджеру, берем то, что может пригодиться самим. Тёха забирает бритву и коньяк, Сапог – плеер, я – свитер, Губастый – книжки, Хорек, счастливо улыбаясь, тискает в цыпкастых руках «Тетрис», а Шуня приватизирует все мыльные принадлежности и презервативы.

Жратву мы тут же приходуем по назначению. Домашняя курица, запеченная в духовке, без всех этих чурковатых приправ, которыми обычно ее посыпают в грилятниках, – это такой кайф! Потом Тёха кидает добычу в большой ашановский пакет и идет к Менеджеру.

Нам нечего делать, и, развалившись на диване в блаженной сытой истоме, мы вяло переговариваемся, обсуждая сегодняшний скачок. По всему выходит, что ребята мы лихие, умелые и надо бросать осточертевшую работу в пробках и переходить на благородный скачковый промысел.

Больше всех за это дело агитирует Сапог:

– Мы что, чмошники? Забодало уже бензин нюхать. Иногда так башка болит, что глаза наружу вылазят. А на скачке все классно выходит: р-раз – и полна коробочка: и бабэ есть, и хавчик, и шмотки. Можно не только бухих, а и так...

– Как «так»? – спрашиваю я.

– Ну... – Сапог заминается. – Засечь фраера прикинутого, выцепить в тихом месте и в бубен! Тыдыщь! Тыдыщь! И еще, еще!

Он вскакивает и, размахивая кулаками, начинает показывать, как нужно давать «прикинутому фраеру» в бубен.

– Ага, а потом косари начнут шерстить тут все подряд, – осторожно не одобряет идею Губастый.

– О, зассал сразу! – Сапог подскакивает к Губастому и в шутку начинает молотить его: – Тыдыщь! Тыдыщь!

– Хватит вам! – строгим голосом прикрикивает Шуня, возящаяся с тенями для глаз, и странное дело – Сапог послушно садится на свое место.

– Губастый прав. Если гоп-стопить начнем, нас быстро накроют, – подвожу я итог дискуссии. – Бройлер говорил, что, ступив на территорию закона, мы можем оказаться у него... как это...

– Под пятой, – пищит Хорек.

– Во-во, под железной пятой!

– А пошли вы, – отмахивается Сапог. – Нету уже Бройлера! Он вот все хотел так делать, чтобы всем хорошо. И лежит теперь...

– А правда, – задумчиво спрашивает Губастый. – Где он сейчас?

– В морге, – пожимает плечиками Шуня. – Так всегда бывает: увезут мертвого в морг и, если неделю никто не забирает, хоронят где-нибудь.

– Ты-то знаешь? – недоверчиво ухмыляется Сапог.

– Представь себе, – поворачивается к нему Шуня и кокетливо выгибает подкрашенную бровь. – Сапожок, скажи: так хорошо?

– Зашибись, – бурчит он в ответ и краснеет.

Мне художества, сотворенные Шуней вокруг собственных глаз, не нравятся – тут красно, как с недосыпа, тут сине, как с перепоею.

– Зашибись, зашибись! – поет довольная Шуня, кидает в безразмерную сумочку свои косметические причиндалы, закидывает ногу на ногу. – А вот если бы максфакторские тени купить... Сапожок, дай денежку, а?

– С деньгами любой дурак сможет, – солидно басит Сапог и изображает задумчивость.

По его сплюснутому лбу ползут извилистые морщины, обветренные губы шевелятся. Наверное, Сапог хочет обсмеять Шунины словечки про «денежку», но не знает как.

– Да, с деньгами хорошо... – пригорюнилась тем временем Шуня. – Мне Анжеличка рассказывала, что у олигархов, если вдруг они разоряются, сразу импотенция наступает. Потому что без денег они себя мужиками уже не считают.

Деньги – любимая Шунина тема. Она на сто процентов уверена, что самое главное в жизни – иметь много-много денег. «Тогда, – говорит Шуня, – будет и любовь, и счастье, и все остальное».

Сапог с ней все время спорит. У него свое мнение:

– Надо место в жизни найти. Такое, чтобы только для тебя оно было. Если найдешь – то все будет, и деньги, и житуха кайфовая. Вот я найду правильное место и поднимусь сразу. Тогда и вас, лохов, к себе перетащу. Дом построю трехэтажный, с баней! Хорек будет у меня дворником, Губастый этим... э-э-э... садовником, во! Слышь, Губастый, садовником будешь? А Пятёру я водилой возьму, гы!

– А меня? – невинно хлопает ресничками Шуня. – Меня кем возьмешь?

– Любовницей, – выпаливает Сапог и снова краснеет.

– Просто каждому свое, – солидно высказывается Губастый, не отрываясь от книжки из стыренного баула. – Кто-то может и без денег. Монахи вон в монастыре живут без всего. Им там хорошо.

– Да че – монахи, – презрительно кривится Сапог. – Им с бабами нельзя, пить нельзя. Ничего нельзя!

– Все равно, все по-разному живут, – упорствует Губастый. – Кому-то власть больше денег нужна. А художники?

– О, час философия начнется, – хохочет Сапог.

А я при слове «философия» сразу вспомнил Бройлера. Он любил порассуждать про эти самые власть и деньги, про то, что важнее, что первичнее.

«Даже казуистический спор про курицу и яйцо не так значим, с точки зрения познания истины, как вопрос о власти и деньгах. Власть, конечно же, появилась раньше денег. И долгое время, века, тысячелетия она была главной приманкой, основным соблазном для первобытного человечества» – так или примерно так говорил Бройлер, размахивая своими розовыми культиями над парящей кружкой с чаем.

Он мог часами плести и про первобытных вождей, которые за власть над племенем крушили дубинами черепа соплеменников, и про хитрых древних льстецов, которые увивались при вождях, славя их ум и силу, и за это получали защиту и пропитание. Мне всегда было интересно слушать Бройлера. Губастый не столько слушал, сколько тоже лез обсуждать, доказывал чего-то. Разозлившись, Бройлер иногда говорил ему: «Ты, Антоша, много читал, но мало понял из прочитанного. Поэтому ты приводишь не те примеры и вспоминаешь не тех авторов. Доказывать свою точку зрения нужно только после того, как она будет сформулирована у тебя в голове. А там, прости, у тебя пока полный ералаш».

Вытеснив таким образом из игры Губастого, Бройлер продолжал развивать свою теорию взаимоотношений денег и власти.

«Деньги, – говорил он, – возникли, возможно, как ответ наиболее мыслящей, но наименее сильной части первобытных людей на произвол облеченных властью вождей. Точнее, вначале появилось оружие, но быстро выяснилось, что сильный и пассионарный неандерталец с дубиной все равно побьет пусть и вооруженного дистанционным оружием – луком, но более слабого и нерешительного претендента на место вождя. И вот тогда появились деньги... Поначалу это были, видимо, какие-то особенные и потому ценные предметы – красивые камешки, раковины, семена редких растений. Кичащиеся своей силой и властью племенные вожди в один отнюдь не прекрасный для них миг обнаружили, что теперь всем иму-

ществом в племени распоряжается какой-нибудь кривоногий лысоватый выжига, сумевший накопить целый кул первобытных денег и попросту скупивший соплеменников на корню.

Так началась война между деньгами и властью. Она продолжается и по сию пору. Власть всегда стремилась и стремится отобрать деньги у тех, кто ими располагает, а деньги всегда хотят купить власть и сами стать властью. В развитых странах, в США, в Евросоюзе, например, это произошло. Но это временная, тактическая победа, потому что противостояние денег и власти вечно. И как это ни парадоксально, но по сути и то и другое есть лишь разные стороны одного и того же явления, изначально призванного улучшить жизнь нескольких людей за счет всех остальных. И именно поэтому я живу вне денег и вне власти. Я наслаждаюсь внутренней свободой, свободой, которую, как и смерть, никто и никогда не сможет ни отнять, ни купить!»

Так говорил Бройлер. Не знаю, насколько он был прав про деньги и власть, а вот смерть его точно ни отнять, ни купить никто не смог. Бройлер умер так же, как и жил, и не хотел бы я знать, о чем он успел подумать перед смертью...

Углубившись в воспоминания, я как-то пропускаю момент, когда спор между Сапогом и Губастым переходит в потасовку. Губастый, раскрасневшийся, расхристанный, таким тщедушным петушком насккивает на медленно наливающегося злобой Сапога, выкрикивая:

– Ни фи́га ты не знаешь! А споришь, споришь!

Шуня уютно устраивается в кресле, поджимает ноги, приготовившись смотреть гладиаторские бои без правил. Хорек испуганно забивается в угол дивана, тоненько повторяя:

– Пацаны, ну не надо! Ну не надо, пацаны! Ну пацаны...

– Я не знаю?! – взрывает Сапог и дает Губастому с правой.

Сапог – он такой, у него чуть что, планка падает и он махаться лезет без разбору. Губастый в запале пытается пойти в ответку но где ему! Приходится вмешаться. Я налетаю на Сапога сбоку, обхватываю его и валю на пол.

– Пусти, Пятёра! Урою, с-сука! – орет Сапог, вырываясь.

Губастый, вместо того чтобы помочь мне, сваливает в соседнюю комнату, где у нас помывочная. Хорек все гнусит:

– Пацаны, не надо...

– Тварь, убью! – продолжает бешенеть Сапог.

Выпростав левую руку из моих отнюдь не стальных объятий, он хватает меня за лицо и начинает отгибать голову. Понимая, что мне его не удержать, я начинаю звать Губастого – в честной битве раз на раз Сапог меня замахает как нечего делать.

Глава четвертая

А че такое Уссурия?

Кликухи разными бывают. От фамилии или по внешним отличиям. Или называют человека по его привычке. Бывает, присвоят пацану или девчонке кличку за умение, за качество, от других отличное, особенное. И получается тогда, что неприметного парнишку по фамилии Требухов зовут Соловьем, а все почему? Свистит он здорово, так, что уши закладывает.

Или другой случай – знал я здорового пацана с пудовыми кулаками, которого у нас в детдоме звали Козявой. А все потому, что любил этот лосюра поедать содержимое своего носа. Добро бы делал он это втихаря, когда никто не видит, – так нет, забудется на уроке и айда под смехи одноклассников питаться. И что он потом только не делал! И в кровь с насмешниками бился, и со второго этажа в сугроб прыгал, и одеколон в методической украл и выпил – а все равно так и остался чушком по прозвищу Козява.

Вот и получается, что кликуха – она человеку не просто так дается. Ее заслужить надо. Или наоборот, сделать что-то такое, чтобы тебя наградили таким погонялом, что в приличном месте вслух и не произнести.

Некоторые кликухи появляются причудливым образом, и стороннему человеку враз и не разобраться, откуда что взялось. У нас в детдоме жил Колька Матвеев по прозвищу Бразилия. Почему Бразилия? Тут целая история...

Поначалу его все Матвеем погоняли – ну, от фамилии. Потом кино показали по телику, детское, сказку про Новый год. И был там такой черный лохматый персонаж, которого играл Боярский, – кот Матвей. После этого кина стал наш Колька Котом. Кот – кликуха важная, Коренной Обитатель Тюрьмы значит, и ее абы кому не дают. А Матвеев пацаном был тихим, не дерзким, подвигов дисциплинарных за ним никаких не водилось. Поэтому вскоре из Кота стал он Котом Базилио, а вскоре и просто Базилио. А тут как раз чемпионат мира по футболу показывали. Наших-то там не играло, поэтому мы всем детдомом за бразильскую сборную

болели. И Колька, само собой. И когда бразильцы полуфинал выиграли, все начали скакать в комнате отдыха по стульям и орать: «Бразилия! Бразилия!», а Матвеев-Базилио – громче всех. И всё. С той поры иначе как Бразилией его никто и не звал. Приклеилось к человеку прозвище, стало как имя. Колек много, Матвеевых тоже немало. А Бразилия – он один такой.

Моя кликуха простая, от фамилии происходит. Я Пятаков, и с детства раннего звали меня и Пятаком, и Пяткой, и Пятым, и Пятеркой, и Пятёрой. Тут ничего особенного нет, кроме разве что того, что «пятерка» – оценка хорошая, и, как говорил Бройлер, «твое прозвище несет в себе позитивный контекст».

Самого Бройлера так прозвали за сходство с тушкой куриной. Культи его как крылышки были, да и сам он – жирный, пухлый, очень ему такое погоняло подходило...

Шуня – тут тоже все просто. Когда только появилась она у нас, то сразу огорошила всех тем, что зовут ее Кармен, а фамилия ее Алмазова. Огорошить-то огорошила, а спустя минут двадцать сама же и проболталась, что никакая она не Кармен, а просто Ленка, и фамилия ее – Шунько. Ну а уж от фамилии и пошло – Шуня.

А вот Сапога так прозвали не за фамилию. Мы с ним во время ментовской облавы познакомились. Бывает так, что спускают стражам порядка сверху указивку – очистить по мере сил столицу нашей родины от асоциального элемента, то бишь от нас. И начинают они грести частым бреднем по вокзалам, по метро, по товарным станциям и прочим промзонам, вылавливая всех подряд. А когда лето, то и парки шерстят, основательно так, как в кино про войну, – идут цепью, бывает, что и с автоматами. У немцев, наверное, научились.

Вот под одну такую облаву мы с Тёхой и Губастым угодили. Случилось это на Тушинском рынке, куда мы ездили собирать коробки и всякий картонный и бумажный мусор на сдачу. Косари перекрыли все входы и выходы и давай гонять нашего брата между рядами контейнеров. А на дворе август, время вечернее, темнеет уже. Мы туда, сюда, чувствуем – голяк, повяжут. Тёха тогда объявляет, мол, затихариться надо в щель какую-нибудь. Начали искать щель – нулево. Глухо, как в танке. Торгаши ларьки и контейнеры позакрывали, косари мусорные баки попрокидывали – попробуй сныкайся тут!

Тёха, правда, все равно придумал. Залезли мы по петлям дверным наверх контейнера, распластались там, утухли и лежим. Дождь пошел, причем такой силы, что сразу нас промочил насквозь. Но делать нечего, косари с рынка не уходят. Поэтому продолжаем лежать. Губастый поскуливать начал, что замерз и вообще заболит. Тёха ему кулак под нос сунул – он заткнулся.

Тут слышим – бежит кто-то по контейнерам, грохочет железом, и прямо на нас. Тёха аж зарычал от злости: «Гад, попалит всех!» А темно же, не видать ни рожна. Только грохот все ближе и ближе. И наконец выныривает из дождя пацан какой-то. Мы с Губастым его сразу подсекли и уложили. А он здоровый кабан, дергаться давай, орать – решил, что к косарям попал. Ну, Тёха его приложил, в лобешник разок дал. Тихо стало. Залез кто-то из облавщиков на контейнеры, посветил фонариком, кричит своим: «Нету тут никого. Он, наверное, за забор спрыгнул!» Мы с Губастым ржем в кулаки – от конца крыши до забора метров пять, это каким Бэтменом надо быть, чтобы так сигать!

Ну, еще с полчаса косари пошаравозились по рынку и свернулись. А мы замерзли как цуцки, дребезжим все, зуб на зуб не попадает. Кабан этот, что по крышам спасался, молчит, сопит в две дырки – смикитил, что мы его от верного винтажа спасли.

Отлежались и за полночь уже двинули оттуда. Мы идем тихо, под нами не звякнет, не грохнет, а новознакомец наш бухает ногами, как Железный Дровосек. Тёха не выдержал, еще раз съездил ему: «Разувайся, гад, запалишь всех!»

Тут и оказалось, что обут он был в сапоги такие кожаные, на каблуках, типа как у ковбойцев. Колеса знатные, чего уж, но для наших дел мало приспособленные. А пока суд да дело, углядели нас сторожа-охранники. Ну, тут началось все по новой. Мы – драть, они – за

нами. Дождь кончился как раз... В общем, еле ушли. А пацан этот кабанистый еще и умудрился один сапог посеять где-то. Так и привели мы его в подвал наполовину босоногим. Сильно горевал он тогда о пропаже своей. Даже на нас попробовал залупнуться, типа это вы виноваты. Мы его в чувства привели быстро, а потом еще долго ржали, глядя, как он ковыляет по подвалу в единственном сапоге. Ну и кликуха тут же образовалась соответствующая, да так за ним и осталась...

На лестнице громяют шаги – Тёха вернулся. Сапог сразу обмякает, расслабляется и бормочет что-то извиняющимся тоном. Тёху он боится, причем сильно.

Мы поднимаемся, пытаемся сделать вид, что ничего особенно не произошло. Драк среди своих Тёха не терпит и достается от него всем – и правым, и виноватым.

Наш бригадир угрюмо оглядывает комнату, задерживается взглядом на застывшем в проеме Губастом, но ничего не говорит. Подходит к столу, упирается в него ладонями и глухо произносит:

– Новостей – две. Нормальная и хреновая.

Мы переглядываемся. Если Тёха сказал «хреновая», значит, дело и впрямь дрянь.

– Менеджер отвалил за барахло хорошие бабки. Тридцать штук. Это нормально, – Тёха ногой подтягивает под себя стул, садится.

Шуня встревоженно вертит крашеной головой, не выдерживает:

– А дальше?

– Менеджер сказал: «Облава будет». Город чистят перед праздниками. К нему приходили. Велели всех без регистрации сдать, кого знает. Он нас и сдал. Сегодня ночью придут, – Тёха шумно выдыхает и сжимает тяжелые кулаки. – Линять надо. Прямо сейчас...

– Куда линять-то? – У Сапога вытягивается лицо. – Зима же! Замерзнем на хрен.

– Можно на стройке попробовать, – неуверенно предлагаю я.

Недели три назад мы обнаружили на окраине Измайловского парка здоровенную недостроенную многоэтажку – то ли больницу хотели сделать, то ли гостиницу. Судя по всему, здание брошено уже давно. При желании можно было обосноваться там, утеплить пару комнат, сложить из кирпичей печку. Дров вокруг навалом, перезимуем. Примерно так я и развил свою мысль.

– Нулево, – мотает косматой головой Тёха. – Там выпасут в момент.

Повисает тяжелое молчание. Хорек пару раз шмыгает носом и отворачивается. Он считает наш подвал за настоящий дом и время от времени заводит разговоры о том, что хорошо бы тут жить всегда – тепло, чисто, тихо...

Губастый, все это время возившийся со своими книжками, вдруг радостно вскидывается:

– Вот, нашел! Зырьте, че за книга...

И он показывает нам яркую обложку, на которой синее небо, белеют далекие горы, низвергаются со скал водопады, а на зеленой лужайке, со всех сторон окруженной могучими лиственницами, желтеет свежесрубленный домина, за которым виднеется еще один. Возле дома стоят десятка два улыбающихся людей – мужики, тетки, дети, несколько бородатых стариков и бабок в шалях.

– Ну и че это за байда? – недоверчиво спрашивает Сапог.

Губастый ничего ему не отвечает. Листанув книжку, он пробегається глазами по строчкам и торжествующе говорит, почти кричит:

– Слушайте: «...мы приглашаем к себе всех. Стариков, женщин, детей. Дела для всех найдутся. Конечно же, в первую очередь нам нужны здоровые, сильные мужчины, потому

что жизнь в тайге, среди первозданной природы, требует постоянных усилий. Но мы не боимся трудностей и не просто верим – знаем, что преодолеем все. Приезжайте, дорогие гости, посмотрите, попробуйте, каково это – нормальная, спокойная и естественная в своей простоте жизнь на лоне прекрасной уссурийской природы, среди ее первозданных лесов, гор и рек».

– Это че? – снова спрашивает Сапог, а Губастый, пролистав пару страниц, продолжает читать:

– «Бездомные дети – позор сегодняшней России. И именно к ним мы обращаемся сейчас. Дорогие друзья! Ребята! Посмотрите, как вы живете. Грязные вокзалы, подвалы и холодные временки стали вашим домом. Вы едите с помоек, пьете грязную воду. У вас нет нормальной одежды, нет крыши над головой. Вам приходится много и тяжело работать, но зачастую ваш скудный заработок отбирают те, кто сильнее. Ваша жизнь полна опасностей и бед.

Мы предлагаем вам приехать к нам, на реку Уссури. Здесь вы окажетесь среди трудолюбивых, спокойных и справедливых людей, которые накормят вас, помогут найти себя и никогда не дадут в обиду. Наша община живет по традициям старинного русского села, где проблемы решаются всем миром, где нет сирот и нищих. Да, у нас тоже нужно работать, но это работа во благо общины, для всех. Кстати говоря, у нас есть настоящие мастера – каменщики, плотники, кузнецы, водители, которые охотно научат вас этим и другим профессиям. Мы исповедуем древний и честный принцип: “От каждого – по способностям, каждому – по потребностям”.

Приезжайте – не пожалеете! Довольно жить в грязи и болезнях, довольно ночевать по теплотрассам и чердакам, довольно страха и унижений. Ваш новый дом ждет вас!»

Голос Губастого звенит и срывается. Наступает тишина, нарушаемая лишь шмыганьем Хорька.

– Ну-ка, дай! – Тёха берет книгу, вертит ее в руках, листает и надолго замирает, вчитываясь.

– Община какая-то... – недоверчиво хмыкает Сапог. – Богомолы, что ли?

– Да нет, – все еще не глядя на своего обидчика, нехотя отвечает Губастый. – Они просто решили жить по-старинному. Так, как наши предки жили. Мужик, которого мы... ну, ограбили, он, я так понимаю, должен был эти книжки распространять. Там, на Уссури, деревня целая. Живут, огороды у них, дома, коровы, свиньи, лошади. На охоту ходят. Им губернатор, я фамилию забыл, столько земли выделил, они пишат – с небольшую европейскую страну. Рядом с поселком Таежный.

– Это где? – спрашивает Сапог.

– Под Хабаровском, тут написано.

– Тиха-а! – недовольно рычит Тёха. – Мешаете.

Мы замолкаем и молчим долго. И, пользуясь этим всеобщим молчанием, непоседливый Хорек влезает со своим вопросом:

– А че такое Уссурия?

Хорек из нас самый маленький, ему, как мы думаем, лет восемь-девять. После того как Тёха врубился за нас с Губастым и спас от тех отморожков, образовалась наша бригада. Мы месяца три жили в Сокольниках, благо лето и осень были очень теплые. В конце сентября, к нам тогда уже присоединился Сапог, пришлось искать капитальное убежище, «берлогу на зиму», как сказал Тёха. Тогда-то мы и наткнулись на этот подвал, а в подвале – на Хорька.

Дело было так: проникнув в подземелье, мы запалили свернутые в кульки газеты – так они дольше горят – и бродили по комнатам, осматриваясь. В подвале было тепло, сухо и тихо, насколько вообще может быть тихо в подвале огромного жилого дома.

Губастый углядел на стене рубильник и, поскольку ума у него в голове хватало только книжки читать, тут же дернул за него. Под потолком сразу в трех комнатках зажглись тусклые лампочки. Тёха, задушенно матерясь, надавал Губастому пенделей и свет вырубил.

– Электричество – это значит счетчик, – объяснил наш бригадир, немного остыв. – Лампочка горит, счетчик крутится. Запалят нас, понял?

И вдруг из темноты послышался слабый гундосый голосок:

– Не запалят. Я много его включаю, а то страшно...

Обладатель этого голоска нашелся в углу, на теплых трубах, поэтому мы его сразу и не заметили. Завернувшись в вонючую дырявую кофту, весь в расчесах и вшах, он отлеживался тут уже несколько дней. Когда Тёха заставил его подняться и снять тряпье, все мы хором сказали: «Капец!».

Хорек оказался очень худым пацаненком с куриными какими-то лопатками и ребрами. Но не это нас удивило, видали мы пацанов и дохлее. Все его тело покрывали сплошные синяки и рубцы, а на мосластой ноге чуть выше колена сочился сукровицей здоровенный порез.

– Это кто тебя? – хмуро спросил Тёха.

– Мам-мка... – шмыгнул носом Хорек и скривился. – Холодно... Кашляю я.

– Губастый, дуй в аптеку, купишь сумамед, шампунь «Ниттифор», йод, бинты и стрептоцид. Усек? – Тёха накинул на Хорьку кофту, брезгливо держа ее двумя пальцами. – Пятёра... Нужны ведра. Или тазики. Найдешь?

Я кивнул. Оббежать окрестные помойки – пара пустяков, и где-нибудь обязательно найдется то, что надо.

– Только грязные очень не бери, – сказал вдогонку Тёха. – Нам самим из них потом мыться... Все, пацаны, зимуем тут.

Горячая вода в подвале нашлась – старый кран на одной из труб по требованию исправно выдавал мощную гогочущую струю. Спустя пару часов отмытый, перевязанный, накормленный едой и лекарствами Хорек, тогда еще, впрочем, не бывший Хорьком, сидел на перевернутой детской ванночке, которую я нашел в соседнем дворе, и радостно шмыгая, гундосил:

– Пацаны, ну вы зыкинские... Пацаны, вы же меня не бросите, а? Пацаны, а дайте еще пожрать. Там сало в пакете. Ну пацаны-ы...

Он уже порядком всех достал, и никто не обращал на него внимания. Тогда, не переставая нудеть, он самостийно сунулся в пакет. Тёха, молча куривший в стороне, перехватил руку-палочку вырвал из пальцев кусок грудинки, но Хорек проявил чудеса изворотливости и впился в сало зубами, буквально повиснув на нем.

– Да на, жри! – рассердился Тёха. – Обдрищешься потом. Хорек вонючий!

Так с той поры и пошло – Хорек.

Мне его жалко. Нам всем его жалко. Я своих родителей не помню, Сапог тоже. Мы – отказники, коренные детдомовские обитатели. У Тёхи отец и мать погибли. У Губастого бабка была, да померла. А вот у Хорьки имелась мать, настоящая, живая, но... Но лучше бы ее не было!

Пацан с самого рождения жил за шкафом, никогда не жрал досыта. По его рассказам выходило, что мать бухала по-черному, водила дома такие хороводы, что соседи ОМОН вызывали. И еще она его била по пьяни. Наверное, думала, что это ее сын, Хорек, виноват в том, что она такая...

Глава пятая

Это дело я люблю!

– Не Уссурия, а Уссури, – наставительно объясняет Губастый. – Это речка такая, большая. На Дальнем Востоке. Там тигры водятся, а в тайге растет виноград и женьшень.

– Ладно звездеть – виногра-а-ад, – недоверчиво тянет Сапог.

Это он зря. Если Губастый чего-то прочитал, а ему не верят, он обижается и доказывает свою книжную правоту до упора.

Вот и сейчас, выпучив глаза и брызгая слюной, он начинает молотить, как из пулемета, про Уссури, Уссурийский край, про тамошнюю природу, про тайгу, про каких-то хунхузов, казаков с лампасами желтого цвета и про все остальное.

– Как поедem? – обрывает его Тёха.

– На электричках, – пожимает плечами Сапог.

Я представляю в голове карту России, прикидываю расстояние от Москвы до Дальнего Востока и присвистываю. Пересаживаясь с электрички на электричку, добираться мы будем месяц, не меньше.

– В жопу электрички, – веско говорит Тёха. – На поезде поедem. Как люди.

Вот это да! К новой жизни – на поезде! Мы радуемcя. Правда, из всех из нас документ – свидетельство о рождении – есть только у Сапога. Он, когда из своего воронежского детдома дергал, прихватил. А без документов, как известно, билеты не продают. Но выход находится быстро.

– Там, на кассе, когда очередьюга здоровая, теткам не до проверок. Напишем на бумажке номера, фамилии придумаем, скажем, что на экскурсию от школы едем, – Губастый увлеченно размахивает руками. – А в поезде, если проводники привяжутся...

– Хватит базарить, – обрывает его Тёха.

А и правильно, чего тут разжевывать, народ подобрался грамотный, всем все ясно.

За билетами отправляются Сапог, Хорек и Губастый. Мы с Шуней собираем шмотье, а Тёха идет «в тайник» – забирать наши сбережения.

Тайник он устроил в соседнем доме, под лестницей. Когда-то там стояли коляски, потом дворники хранили всякую подметательную муру, а когда наступили нынешние мутные времена, дверку в скособоченный закуток сломали, местные алкаши зассали все углы, жильцы свалили туда ненужный хлам – старые колотые унитазы, забитые шлаком батареи, сломанные табуретки, и помещенье превратилось в кладбище домашней рухляди. Вот там-то, в самых непроходимых дебрях, в пыльных и заросших кружевами ржавчины глубинах древней газовой плиты, Тёха и хранил заработанное бригадой бабло.

О тайнике знали двое – сам Тёха и я.

– Если че, деньги достанете и поделите, – сказал он мне однажды, показывая свою ухоронку.

Я не стал уточнять, за что мне такое доверие, не стал спрашивать, что значит «если че», просто кивнул, и на этом разговор был окончен.

Барахла набирается изрядно – три здоровые сумки и чемодан. Мы с Шуней запарились укладывать все это, но, когда заканчиваем, является Тёха, оглядывает плоды наших трудов критическим прищуренным оком и недовольно бурчит:

– Вываливайте!

Шуня встречается – ни за что, мол, мы столько с Пяточкиным пахали, а теперь все по новой?

– Вываливайте, – повторяет Тёха, но, как мне кажется, уже не так уверенно.

Тряся своими рыжими хвостиками, Шуня опять тараторит, что мужики ничего не понимают, что свой запас карман не тянет, что вещи беречь надо, что неизвестно, какие холода и беды нас ожидают, и все, что ее, Шуниной, бережливой рукой собрано, может нам пригодиться, а кроме того, когда наступит черный день, что-то из вещей можно будет продать.

– Черный день наступил, когда мы еще не родились, – явно сдаваясь, ворчит Тёха. – А таскать весь этот бутор кто будет?

– Да ладно, – победно улыбается Шуня. – Три здоровых мужика у нас, не унесете, что ли? На кой вы тогда вообще нужны? Только продукты переводите...

– Ну ты и пила! – влезаю я в разговор. – Ножовка просто. Лобзик женского рода.

– Ага, у нас вся родня такая! – смеется Шуня и вдруг запекает песенку из какого-то мультика:

Я с детства все пилила, что могла.
Призвание, видно, у меня такое.
Пилою моя мамочка была,
И бабушка моя была пило-о-ою!

Она начинает кривляться, пританцовывая, забирается на стол и, отстукивая каблукками, выдает припев:

Это дело я люблю!
Это дело я люблю!
Все на свете я пило-ю-ю!

Я усмехаюсь, подтаскиваю сумки к двери. Гляжу на Тёху и не верю своим глазам.

Он сидит в кресле, курит, смотрит на танцующую Шуню – и улыбается!

Тёха не больно-то и здоровый. Так, обычный пацан, жилистый и ростом чуть выше меня. Сапог и в плечах шире, и толще. Но у Тёхи руки как у взрослого мужика. И еще Тёха никогда не бздит и всегда знает, что делать. Поэтому его уважаем не только мы, но и все на Курке, даже Менеджер и щипачи-карманники, которые промышляют в подземном переходе.

Про себя Тёха рассказывать не любит. Чуть что, сразу: «Хватит базарить!», и шабаш. Но я так понимаю, что родители у него погибли где-то на Кавказе, а сам он лет пять скитался по приютам и детским домам, пока однажды не решил, что пора жить самостоятельно.

Вот про это, про самостоятельность, Тёха говорит охотно. Правда, он вообще не особенно говорит, но тут его как прорывает:

– Каждый сам должен. На чужом горбу только в морг въехать можно. Хочешь жить нормально – живи. Никто никому ничего не даст. Сам идешь, куда хочешь, – это правильно. Так нормально.

Нормально – это у Тёхи главная похвала. Лучше, чем нормально, у него не бывает. И еще: мы никогда не видели, чтобы он улыбался. Бройлер однажды сказал нам с Губастым, что у Тёхи, видимо, психологическая травма и какая-то фобия – он боится проявлять положительные эмоции.

И вот теперь сидит наш бригадир, щурится сквозь сигаретный дым на эту оторву в юбке, и губы его растягивает неумелая, кукольная какая-то улыбка...

С билетами все проходит как по маслу. В том смысле, что до Казани наши покупщики их взяли. А вот дальше... Дальше идет полная непонятка.

– Ну нету такого поезда – «Москва – Таежный»! – оправдывается Губастый. – Я по карте посмотрел, можно потом от Казани до Новосиба взять, а там уже рукой подать, доедем.

– Мудозвоны, – сердито рявкает Тёха. – Это сколько ж денег угрожаем! У-у бараны тупорылые!

– Да ладно тебе, – вступает за Губастого Сапог, чувствуя, видимо, за собой часть вины за такое «бабье» решение. – Доедем как-нибудь, не первый раз. Я вон в прошлом году в Сочи ездил с пацанами. Мы шесть поездов сменили – и ниче.

– А мне по хрену, как вы там ездили! Хоть пешком шли, – беленится Тёха.

– Да че теперь ругаться, – я смотрю на старый будильник, найденный на помойке. – Поезд через полтора часа. Идти пора...

Все сразу как-то успокаиваются, серьезнеют.

– Присядем на дорожку, – говорит Шуня, и мы послушно рассаживаемся, умолкаем, обводя взглядами нашу берлогу – в последний раз...

Тема про школьную экскурсию проканывает без запинки. Проводница, пожилая уса-тая тетка в форменной шапочке, только заглядывает в свидетельство о рождении Сапога и пропускает нас в вагон. И тут оказывается, что нас ждет еще один сюрприз – Губастый и Сапог купили билеты на сидячие места.

Есть такие вагоны сейчас, в них кресла как в самолете, а полков никаких нету. Наверное, на дальних рейсах эти вагоны не используют, но до Казани ехать всего ничего, двенадцать часов, и кто-то шибко умный из железнодорожных руководителей решил, что народ, у которого с деньгами туговато, доедет и сидя.

– Зато денег сэкономили! – оправдывается Сапог.

– Утухни! – мрачно зыркает на него Тёха.

Постепенно вагон наполняется пассажирами под завязку. Мы тоже садимся, закидываем сумки на багажную полку и ждем отправления. Всем немного страшновато – едем, а куда? Река Уссури представлялась мне этакой сказочной молочно-кисельной речкой с картинки – сама синяя-синяя, трава на берегу зеленая, избушки стоят, а над ними шумит вековая тайга.

Поезд трогается.

– Всем сидеть тихо, никуда не шлаться, – негромко распоряжается Тёха. – Курить ходить по двое. Руки в карманы. Сапог, тебя касается!

– Да понял я, понял!

Сапог отворачивается к окну, а сам глазами так и шарит по вещам пассажиров, размещенным на полках поверх окон. Сапог – он такой, чуть где что плохо лежит, сразу приберет. «Было ваше, станет наше!» – это его любимое присловье. Но Тёха прав, сейчас нам палиться нельзя, сейчас главное – доехать.

Мы – сильные. Мы не колемся и не нюхаем клей. Мы не бухаем и не ходим на Плешку, где можно легко и быстро заработать, нужно только сесть к подъехавшему мужику в крутую тачку и съездить на пару часов к нему домой.

Но зоновский принцип «не верь, не бойся, не проси» у нас не работает. Мы, чтобы выжить, должны бояться, верить и просить. Иначе – никак.

Я знаю много пацанов нашего возраста, живущих на Курке и соседних станциях – «Серпе и Молоте», например. Они бухают всегда, когда есть бухло. Собирают баллончики из-под лака для волос и всякую другую химию. Потом пшикают в пакеты, надевают на голову и балдеют. Или ширяются одним шприцем на десятерых. Валяются под платформами, иногда умирают там.

Мы не такие. Мы на войне. Так говорит Тёха. Мы воюем со всеми, потому что мы никому не нужны. Это правда. Мы на самом деле никому не нужны – ни молодым, ни старым, ни бедным, ни богатым, ни русским, ни евреям. Для всех них было бы лучше, если бы нас вообще не было.

Эту войну начали не мы. Наоборот, мы даже не знали, что она объявлена и уже идет. Взрослые люди построили себе дома и дороги, они купили себе машины и хорошую одежду. Они всегда сыты и довольны собой. А мы – мы им мешаем быть довольными. И за это они воюют с нами. Им всем очень хочется запереть нас за дверями и решетками, за заборами и чтобы заборы эти стояли где-нибудь далеко, подальше от их довольных городов. Но прав был наш дядя Сеня, когда говорил, что в Москве «можно жить». И можно заработать. В городе, где стоял наш детдом, заработка нет и жить нельзя. Там можно быть только детдомовцем. А я не хочу. Мы все не хотим.

Если мы не будем сильными, нас победят. Поэтому мы не бросаем своих, даже если они болеют. Поэтому мы моемся и стираем одежду. И не бухаем. Мы обязательно победим – заработаем много денег и уедем туда, где нас не будут считать за уродов, где можно будет жить по-человечески. Словом, туда, где нет этой войны. На речку Уссури, например.

Глава шестая

Че теперь делать?

За вагонными окнами проплывают темные громады вокзальных зданий, заборы, трубы, покатые крыши складов. На фоне вымороженного, фиолетового неба горят теплые огоньки дальних многоэтажек. Оранжево светятся цепочки фонарей на МКАД. Покачиваясь, погромыхая колесами, поезд ползет по рельсам – прочь из Москвы.

Вскоре городская светомузыка сменяется угрюмой тьмой Подмосковья. Поезд прибавляет ход, переходя на железнодорожный галоп. Теперь за стеклом лишь изредка возникают одинокие огоньки в окнах деревенских домов, тусклые, как и жизнь на этих затерянных среди мрачных лесов полустанках.

Возбуждение, охватившее всех нас, потихоньку проходит. Дремлет Хорек. Зевая, лениво листает какую-то книжечку Губастый. Тёха, набывшись, неотрывно смотрит в темное окно, отражаясь в нем, как в колдовском зеркале. У меня тоже начинают слипаться глаза. Только Шуня и Сапог, хихикающие и шушукающиеся, явно не собираются спать. Я совсем было прикемариваю, когда слышу Тёхино:

– Куда?

– В туалет, Тёшечка! – просвистывает Шуня. – Мы с Сапожком, быстренько-быстренько...

Они уходят, и я сразу как в колодец проваливаюсь. Тяжелый сон стискивает меня в вязких, борцовских объятиях, и нет ни сил, ни желания эти объятия разорвать.

Снится мне Бройлер. Он ходит по нашей берлоге, размахивая целыми, здоровыми руками, улыбается и рассказывает, что смерть – это на самом деле и есть жизнь, вечная, счастливая жизнь, а то, что мы, дурни, считаем жизнью, как раз и считается там, у них, смертью. Короткой, жуткой, горестной смертью, избавившись от которой человек становится по-настоящему живым – вот как он.

Во сне мне становится страшно. Улыбчивое лицо Бройлера плывет и искажается, слова его вонзаются в меня, как раскаленные иглы. Одна такая игла пробивает ухо и жжет, нещадно палит его. Я дергаюсь раз, другой, отмахиваюсь от жалящей иглы – и просыпаюсь.

– Вставай! Подъем, Пятёра! – Тёха, защемив мое ухо пальцами, терзает его, пытаюсь вырвать меня из сонного омута.

– А? Че? – Я вскакиваю, ошалело озираясь.

Хорек и Губастый сладко посапывают на соседних сиденьях, привалившись друг к другу. В вагоне царит полумрак, за окнами пролетают одинокие огоньки. В проходе между рядами кресел топчется хмурый Сапог.

– Шуню свинтили. Выкупать пойдем, – коротко объясняет ситуацию наш бригадир и помолчав, добавляет, обращаясь к Сапогу: – Не сиделось вам, гады!

– Да мы че... Мы только в вагон-ресторан... – виноватым голосом частит Сапог.

Тёха дает ему звучный подзатыльник:

– Заглохни, мудила!

Пока мы идем в седьмой, бригадирский вагон, растерянный Сапог вкратце обрисовывает мне, что произошло.

Они с Шуней направились в вагон-ресторан вроде как сигарет купить. На кой ляд их понесло туда на самом деле, я могу только догадываться – или Сапог решил скачкануть втайне от Тёхи, или наша бойкая путанка пошла крутить хвостом в поисках приключений на свою тощую задницу. Так или иначе, но когда путешественники остановились покурить в непопавшем тамбуре бригадирского вагона, их навестил наряд транспортной милиции. Косарей было двое – капитан и лейтеха. Они спросили документы, Сапог показал им свое свидетельство и билет, и тут выяснилось, что Шунин билет остался у Тёхи. Сапог, чтобы отмазать подругу, сдуру воспроизвел косарям ту же байку, что и проводникам, – дескать, они, то есть мы, едем от школы на экскурсию, а билеты и документы у старшего группы.

Косари забрали Шуню, а Сапога отправили за этим самым старшим. Вот такая история.

– Че теперь делать? – излишне громко сокрушается Сапог, трясет головой и косит глазом – видит ли Тёха всю глубину его раскаяния?

Тёха видит. И молчит. Молчит всю дорогу до бригадирского вагона, только остервенело пинает тамбурные двери да зыркает на одиноких курцов-полуночников, испуганно шарахающихся от буром прущего парнишки с белым от злости лицом.

– Вон там они, во втором купе, – указывает Сапог, когда мы входим в наполненный особым, начальственным запахом бригадирский вагон.

Тёха шумно выдыхает и решительно откатывает покрытую шоколадным пластиком дверь. На меня веет терпкой смесью ароматов одеколona, хлорки и сапожного крема. Губастый называет это «благоуханием косарни».

Поезд подъезжает к станции. В окно бьет свет фонаря, и у меня в глазах пляшут черные пятнистые черти. Поэтому я не сразу понимаю, зачем Шуня подняла руку. Думаю даже, что она нас так приветствует. Сидит на нижней полке и сигналиит: «Все в порядке, пацаны!»

И только когда промаргиваюсь, просекаю – хрен там «в порядке». Косари приковали Шуню наручниками к скобе для брюк. Значит, уже решили, что она их законная добыча.

Тёха сопит, вышагивает вперед. Косари, лейтенант и капитан, удивленно смотрят на нас. Потом капитан понимающе ощеривается:

– А-а, вот и делегация! Ну заходите. Да не все, не все!

Лейтеха, похожий лицом на картофелину сорта «синеглазка», напрягается, шарит рукой справа от себя. Ох, не люблю я таких вот косарей. Вернее, я всю их породу не люблю, но именно таких, жилистых, невысоких, прогонистых, – особенно. Если что, косарь типа этого лейтенанта будет бежать за тобой до упора, пока не догонит. И обязательно дубинкой

врежет, хотя бы пару раз. И бить будет не просто для блезиру, а «с душой» – куда надо и с оттяжкой, так, что потом неделю будешь кровью ссать и синячище на всю спину расплзется.

Вон, он уже «демократизатор» вытащил, готовится. Дай ему волю – он всех вокруг излущует, забьет мало что не до смерти. Откуда такие берутся? Бройлер говорил, что все проблемы у взрослых – из детства. Наверное, у этого косаря детство было типа нашего, то есть не было детства вовсе.

Вот только никто из нас в косари не пойдет. Никогда. Наверное...

– Остапчук, – говорит тем временем капитан. – Поди-ка к Гаврилову проверь, что там и как, – через двадцать минут смену сдавать. А я пока с молодежью пообщаюсь, хе-хе...

Лейтенант, одарив нас на прощание полным ненависти взглядом, шибает плечом Сапога, застрявшего в дверях, и выходит. Шуня шмыгает носом, свободной рукой вытирает мокрые щеки, хотя еще несколько секунд назад плакать она вроде бы и не собиралась.

Капитан вопросительно выгибает бровь и смотрит на Тёху Косарь – рослый, гладко выбритый; тщательно причесанная шевелюра – волосок к волоску – блестит от геля. Такие мужики, нет, не мужики – мужчины, всегда нравятся бабам. Они, дуры, не понимают, что любить эти холеные и ухоженные кобели могут только себя, так они устроены. И все в их жизни, и ухаживание за бабами в том числе, тоже делается для себя, для своего удовольствия.

И еще: в реальном деле толку от таких немного. А вот нагадить по мелочи они могут запросто. И гадят, всем и везде, в меру возможности. Словом, хоть и крупны размером, хоть и аккуратны на вид, а твари они все же мелкие. И притом дешевые.

– Э-э-э... Тут у вас наша... э-э-э... ученица... вот, – выдавливая из себя Тёха.

Он старательно косит под дурачка. Шуня опять шмыгает, гремит наручником, обращая на себя внимание.

– Ученица? – ласково улыбается косарь. Глаза у него ленивые, пустые, как бутылки. – И на кого ж вы ее учите, господин пи-да-гог?

– Не, я не учу, – Тёха сует руки в карманы. – Учитель с нами был. Наш старший... Э-э-э... Отстали мы... Группа... Э-э-экскурсия. Домой... Э-э-э... едем, вот.

– А документики? – еще ласковее интересуется капитан.

Мне чудится даже, что он начинает примурлыкивать, как сытый кот. Кот, играющий с мышью.

– У него... у старшего... э-э-э... документы...

– Поня-ятненько... – тянет косарь, рассеянно глянув в окно.

Поезд останавливается, за пыльным стеклом плывет залитый мертвым светом фонарей перрон, по которому бегут люди с «типа хрустальной» посудой в руках. Слышны истошные выкрики:

– Хруста-аль! Недо-орого! Хруста-аль! Фужееры, бока-алы, рю-юмки!

Я вспоминаю – станция называется Вековка, а где-то неподалеку располагается город – Гусь-Хрустальный. Поезд стоит тут аж целых полчаса, наверное, для того, чтобы барыги могли охмурить как можно больше пассажиров и втюхать им свой звенящий и бьющийся товар.

– Короче, так, – капитан хлопает ладонью по столу. – Три червонца – и забирай свою... хм... ученицу, хе-хе. Или я ее заберу, хе-хе. Да и вас, путешественников, заодно.

Сапог, подпирающий косяк у меня за спиной, тихо матерится. Три червонца – это тридцать тысяч. А у нас всего пятьдесят пять. Было в Москве. Теперь, после покупки билетов, меньше. И будет еще меньше, из-за Сапога и Шуни.

Но Тёха согласно кивает. Вот он лезет в карман. Вот оборачивается ко мне и спокойно так говорит:

– Пусть Губастый и Хорек за пирожками сбегают.

Я сперва не понимаю – за какими на фиг пирожками? Но Тёха еще и подмигивает, причем не мне – Сапогу. Тот начинает улыбаться, вытаскивает меня за рукав в коридор, оглушительно шепчет в ухо:

– Шухарись тут. Я за нашими. Скажешь Тёхе – встречаемся у складов за депо...

Тогда мне становится все ясно и понятно. И еще – страшно.

Сапог убегает, выбивая пыль из грязных железнодорожных ковриков, которыми застелен вагон. В тамбуре уже звенит барыжный хрусталь, слышится залиvistый смех проводницы. Я прикрываю дверь в купе, оставляя небольшую, в три пальца, щель. Через нее мне хорошо видно, как Тёха достает левой рукой из кармана перетянутые резинкой деньги. Косарь наклоняется, привстает, что-то говорит – гомон в тамбуре забивает его слова.

Тёха отрицательно качает головой. Капитан, криво усмехнувшись, лезет в карман и кидает на стол ключи от наручников. Проворная Шунина лапка – цоп! – хватает их, и одновременно Тёха вытаскивает из кармана правую руку. На пальцах тускло блестит оловянный кастет. Хлесть! Я вздрагиваю. Капитан отлетает назад, влипает в угол купе. Поперек его высокого лба наливается багровым жирный рубец. Он закатывает глаза, роняет голову на грудь...

С грохотом отъезжает дверь. Шунины вытаращенные – в пол-лица – глазища, в которых нет ни капли страха, только восторг. Еще бы, такое приключение! Дурында...

– Ходу! – горлом рычит из-за Шуниной спины Тёха.

И мы бросаемся к тамбуру. Нам навстречу движутся двое хрустальных барыг, камуфлированный мужик в меховой шапке и баба в телогрейке. У них в руках коробки, из которых торчат сверкающие горлышки ваз, какие-то фиговины с искристыми висюльками...

– Лю-юстры, лю-юстры, фуже-еры, кому фужеры! – профессиональным пронзительным голосом выпевает баба.

Я толкаю ее на мужика, проношусь мимо, за мной мчится хихикающая Шуня, следом топает Тёха.

Тамбур, остолбеневшая проводница. Мы ссыпаемся на перрон.

– Где? – на бегу кричит Тёха.

– У складов! – отвечаю я.

Он кивает, уверенно машет рукой – за мной, мол. Стало быть, они с Сапогом уже обо всем договорились.

Станция забита составами, пассажирами, торговцами, лотошниками, станция шумит и грохочет, звенит и гомонит на разные голоса. Пахнет углем, мочой и креозотом. Свет фонарей с высоких решетчатых столбов колет глаза.

Мы ныряем под вагон, на карачках пролезаем между огромными колесами, выскакиваем на другой перрон, едва не свалив блестящую тележку «Мороженое». Тетка в белом фартуке, надетом поверх пальто, что-то орет нам вслед – да куда там! Ищите, граждане, ветра в поле...

Наш сумасшедший бег заканчивается в заваленном снегом закутке где-то в стороне от залитых светом платформ. Тут темно и тихо. На пронизывающем ветру качаются голые ветки густого кустарника, сереет бетон забора, и мрачными глыбами нависают с трех сторон громады складов. Из щели между забором и стеной склада появляются три фигуры. Короткий тихий свист – наши. Губастый протягивает нам куртки.

– Сумки не взяли, боялись – не уйдем с ними, – говорит он.

Шуня тихонько ахает, – и только.

– Я это место давно знаю, – объясняет Сапог. – Прошлым летом ездил в Муром, ну и застрял тут, блин. Ночевать надо было где-то, а с вокзала косари прогнали. Лазил, лазил по окрестностям, до деревни даже добрался – везде местные, вломили один раз. А тут классно, тихо и нет никого!

Никто не спрашивает, откуда про место, где «классно», знает Тёха, но, видать, и ему доводилось тут куковать-вековать. Что ж, наше путешествие, только-только начавшись, едва не закончилось в местной косарне, и что будет дальше – хэ-зэ...

Мы сидим на промерзших ящиках, обнаруженных в сугробах. Холодно. Свистит ветер, сыплется сверху мелкая снежная дрянь. Скорей бы утро. «Когда темно, мороз кажется на пять градусов сильнее» – так всегда говорил Бройлер.

– Шмотки – в минусах. Все косари местные на дыбки встали, – Тёха коротко матерится, встает с ящика и бьет Сапога ногой в лицо.

Тот, не ожидав удара, кубарем летит в снег. Шуня ойкает, Губастый, до этого что-то втиравший Хорьку про Дальний Восток, испуганно умолкает.

– Запомните, суки: еще один косяк – и на хрен прикопаю у дороги, – бесцветным голосом сообщает Тёха.

Сапог, отвернувшись, вытирает окровавленное лицо снегом. Мы молчим.

К утру становится так холодно, что зуб на зуб не попадает даже у Хорька, одетого в длинный бабский пуховик. Шуня сидит на ящике, как птица на ветке, натянув куртку на худые коленки.

От станции временами доносится искаженный голос диспетчера и гудки поездов. Светает – темно-синее небо над заснеженными крышами складов становится серым. Надо что-то делать, иначе хана – это понимают все. Наконец Тёха говорит:

– Губастый, Хорек – костер. Пятёра, возьми две штуки. Скайтесь в Гурловский, купишь ей... – следует короткий кивок на встрепенувшуюся Шуню, – джинсы и зимнее чего-нибудь на ноги.

– Ой, Тёшенька, а за две тысячи приличной обуви не бывает... – начинает Шуня, но под тяжелым взглядом Тёхи умолкает.

– В секонд-хенде возьмете. Или на барахолке. Пятёра, понял?

Я киваю, беру деньги и шагаю по снегу к просвету между кирпичными стенами. Шуня подхватывается и догоняет меня. За нашими спинами трещат ветки – Губастый и Хорек с энтузиазмом крушат окрестные кусты. Я оборачиваюсь – Сапог как сидел, так и сидит на ящике в стороне от всех. Обиделся. Еще бы. Виновата-то наверняка вот эта оторва, что уже взяла меня под ручку и начала щебетать что-то про фасоны и размеры. Причем все понимают, что виновата Шуня. Но при этом все понимают, за что получил Сапог. Все – кроме него самого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.